

Что вы сказали, молодой человек? Да, Хантингдейл – с этой платформы. Вам нужен поезд до Пэкинхем. Он будет через 20 минут, так что можете пока тут присесть. Не беспокойтесь, я покажу ваш поезд, вы его не пропустите.

Да, вы правы, поезда здесь ходят не так часто, как в обычном метро. Тут, в Австралии, и слово это не используют, хотя я к этим поездкам отношусь так же, как к их подземным собратьям в других странах. А я их много повидал. Можно было бы сказать, что я с ними провел всю жизнь, но это не совсем правда.

Там, где я родился, метро не было. Это был маленький шахтерский городок в графстве Йоркшир, в Англии. Мой отец работал на шахте, и мне это казалось каким-то волшебством. У меня была любимая книжка, про подземных гномов, которые прячут в пещерах сокровища. С тех пор, как мама прочитала мне ее, в моей душе поселилось ощущение тайны, которая лежит где-то глубоко под нашими ногами. Невидимая жизнь под толщей земной тверди – вот что разбудило мое воображение. Помню, как я пытался копать землю в саду, но как ни старался, ничего, кроме червячков, не находил.

Когда мне было пять лет, мы с родителями поехали в Лондон, и там я впервые попал в метро. Вначале мы долго-долго спускались по лестницам и эскалаторам, а затем я увидел подземелье. Оно было непохоже на шахту, про которую рассказывал отец. Здесь было светло, а стены облицованы плиткой. Не было ни гномов, ни сокровищ, только бесконечно сновали туда-сюда люди и ездили вагончики. Я чувствовал себя обманутым.

Но потом мне понравилось кататься на метро, а еще позже, когда я окончательно перестал верить в гномов, подземные поезда заняли их место в моем воображении. Чудо не умерло. Теперь, во время поездок к лондонским родственникам, мне доставляло необыкновенное удовольствие идти по городу и чувствовать биение его пульса; знать, что глубоко под асфальтом лежит особый мир, не видимый с поверхности. А еще меня пленяла идея спуститься под землю в одной части города и выйти в другой. В этом было какое-то волшебство.

Даже схема подземки восхищала меня. В чудовищном переплетении разноцветных линий была ясность и гармония. Я мог сидеть целый час и водить пальцем по карте, повторяя удивительные названия: "Семь сестер", "Слон и замок", "Королевский дуб". Я нашел свою собственную сказку – на всю жизнь.

После школы я, конечно, приехал учиться в Лондон. Первые несколько месяцев я только и делал, что покорял его подземные просторы. Вначале я старался придумывать поводы, чтобы забраться подальше от первой зоны, которую я облазил в первые же недели. Например, посещение какого-нибудь парка. Но потом прогулки стали самодостаточными. Ехать по неизведанному маршруту, слушать незнакомые названия станций – это было упоение первопроходца. Иногда со мной ездила Джейн, моя одноклассница по колледжу, но чаще я путешествовал один, так мне нравилось больше.

Мое непонятное для окружающих хобби обходилось мне недешево, но любая страсть требует вложений, даже коллекционирование пивных пробок. И я был готов платить за свое удовольствие.

Любимой станцией в Лондоне у меня была Майда Вейл. Странное волнение охватывало меня, когда я приближался к ней, минуя Паддингтон и Уорвик-авеню. А при виде ее трогательно старомодных мозаик в кассовом зале становилось легко и спокойно на душе. Я выходил на улицу и отправлялся гулять без цели, чтобы только вернуться потом к элегантно темно-вишневому павильону. Не знаю, что тянуло меня туда. Джейн, которая, по странному совпадению, жила в доме напротив станции, как-то сказала, что ей тоже нравится район Майда Вейл, потому что рядом находится звукозаписывающая студия, где работали "Битлз". Мне же не было до этого дела, я уже давно не нуждался в дополнительных источниках удовольствия от прогулок на метро, да и музыку я почти не слушал.

До определенного момента моя страсть к метро ограничивалась лондонской подземкой. Но растущий аппетит к изучению этого

чарующего мира погнал меня дальше, и на летние каникулы я поехал в Глазго. Эта авантюра захватила меня целиком, несмотря на обиды родственников, считавших, что я должен больше времени проводить с ними. Я впервые ехал так далеко – познавать частичку подземной жизни гористой Шотландии. При мысли об этом в душе всколыхнулись детские воспоминания о гномах и их золоте. И вот, наконец, я оказался под Глазго и пустился в бесконечный карусельный путь, ведь единственная линия метро в этом городе – кольцевая. Можно было бы предположить, что после дьявольского переплетения десятка с лишним лондонских веток такой аскетизм разочарует меня, но этого не случилось. Я чувствовал себя так, будто отыскал одно из гномьих сокровищ – магическое кольцо из темного золота. В этом метро была какая-то тайна, а в его цикличности – своя философия. Из-за оранжевого цвета символики и вагонов ее называли "Заводным апельсином". Позже я узнал от Джейн, (она навязалась мне в погучики, сказав, что хочет навестить родных в Глазго), что это название одной из ее любимых книг. Потом она даже подарила мне эту книгу на Рождество, и я прочел ее, когда торчал в аэропорту из-за отмены рейса, но она мне не понравилась. Да, аэропорты вскоре стали неотъемлемой частью моей жизни. Метро в Ньюкасле появилось только в восьмидесятом году, а в то время за новыми впечатлениями мне пришлось ехать на континент. Париж встретил меня клошарами, ночующими на станциях, бродячими музыкантами в вагонах и витиеватым декором в стиле модерн. Мне приглянулись по душе и подземная, и наземная жизнь города. Весенний воздух опьянил меня, взору вдруг открылись стройные девушки в соблазнительных платьях, и мне невольно вспомнилась Джейн, которая, в общем-то, была очень даже ничего, даже на фоне этих прелестниц. Я так расчувствовался, что послал ей открытку с Эйфелевой башней – не знаю зачем, просто вышел со станции Ришар-Ленуар и забежал на почту. Потом я, конечно, пожалел об этом порыве, но было поздно. К моменту окончания колледжа я побывал в пятнадцати городах Европы с подземной жизнью разной насыщенности. По небольшим странам было удобно передвигаться автостопом, успевая осмотреть несколько городов за одни каникулы. Мне постоянно не хватало средств, от родителей я ничего не ждал, поскольку разругался с ними, и Джейн меня здорово выручала. Она часто одалживала мне денег, а потом даже взялась подкармливать и, в конце концов, переехала ко мне жить. Я был не против.

К тому времени я уже собирал билеты всех метрополитенов, где бывал, и хранил их в специальном альбоме. На стену я повесил карту мира и отмечал на ней свои маршруты. Меня пустила в свои фантастические недра Москва с ее подземными мраморными дворцами, от которых захватывало дух. Я получил наглядный урок политической географии, сравнив метро Восточного и Западного Берлина, и посетил "самую длинную картинную галерею в мире" – прорубленные в скалах и расписанные художниками станции Стокгольма. Я был молод, одержим страстью и чувствовал, что моя жизнь наполнена особым смыслом. Знакомые к этому моменту пережились и утонули в бытовой рутине, а я был свободен. Заключение брака спустя пару лет не сковало меня: это была простая формальность – почему бы и нет, раз все равно живем вместе.

Вы чем-то обеспокоены? Ах да, поезд... Ничего, они иногда опаздывают – здесь, правда, куда реже, чем в Лондоне, где вечно что-то ремонтируют. А в Париже работники подземки любят бастовать. Не волнуйтесь, посидим еще. Я продолжу рассказ, если вы не против. В семьдесят шестом году я впервые попал на североамериканский континент. Это было давней мечтой. Я спускался в грохочущую преисподнюю в Нью-Йорке, дегустировал новенький сабвей в белоснежном Вашингтоне и любовался декоративным убранством метро в Монреале и Бостоне. Всего за несколько центов я получал пропуск в подземные лабиринты гигантского Мехико, из которых меня затем выводили картинки-символы – по ним узнают названия станций неграмотные.

После этой поездки я попал на страницы журнала о путешествиях – меня разыскал какой-то дотошный журналист, чтобы взять интервью. Публикация произвела впечатление на всех знакомых, даже на Джейн, которая все чаще выражала недовольство моими поездками, хотя раньше вроде как поддерживала. Но финансово я от нее уже не зависел, а свобода была дороже.

Постепенно покорив Северную Америку, я отправился в Южную, которая, впрочем, не порадовала меня разнообразием – покорил лишь Буэнос-Айрес с его фресками на исторические темы, тогда как Сантьяго и Сан-Пауло были слишком юны и безлики. Тем временем во всем мире постоянно строилось новое метро, и я должен был успеть везде. Это было уже делом чести. Когда я исследовал недра Азии, мной заинтересовались телевизионщики и сделали передачу. Вы сами, наверное, из Японии? Я так и подумал. Из Осаки? Конечно, я там был. У

меня в коллекции даже есть буклетик про ваше метро со схемой линий, стилизованных под иероглиф, – очень оригинально. Так вы, возможно, даже видели ту передачу обо мне. Я стал знаменитостью, хотя Джейн почему-то не выразила восторга и вскоре вообще ушла от меня, забрав обоих детей. Честно говоря, никогда не понимал женщин.

А сейчас я здесь, в Австралии. Только к пенсии удалось выбраться в этот уголок света. Я, правда, долго проболел, еще в Англии. И сейчас врачи не рекомендуют особо летать. Решил пока осесть тут, снял домик рядом со станцией Клифтон Хилл. Метро здесь, правда, наземное, но в этом есть своя прелесть. А подлечусь – поеду по стране, посмотрю другие города. На мою долю чудес еще хватит, не вся карта мира исписана моими маршрутами. Знаете, как это здорово, когда впереди что-то есть. Вот и ваш поезд. А я еще посижу тут, мне спешить некуда. Раньше дома ждала кошка, да и та умерла на днях. Ну, счастливого пути.